

7. Ланин Б. А. Интеграция Интернета в литературное образование <http://pedsovet.kob.ru/bible/reports/reports2001/iir.html>. (Всероссийский августовский Интернет-педсовет-2003).

8. Рудакова Д. Т. Интернет-технологии в образовательной деятельности учителя <http://ioso.ru/s010608/rudakova.htm>. (Научно-практическая конференция "Интернет-технологии в современном школьном образовании").

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2004 г.

УДК 371.3.82.0

Е. Е. Лебедь

ОППОЗИЦИЯ "СТАРОЕ И НОВОЕ" В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ: МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ УРОКОВ 11-ГО КЛАССА

Актуальность проблемы

Среди всего литературного наследия советского прошлого, быть может, наиболее пострадавший от предвзятых идеологический оценок период — это 1920-е – 1930-е годы. Но, как ни парадоксально, для школьного учителя отсутствие по настоящему объективной истории советской литературы является далеко не главной проблемой. В программе для 11-го класса школ с русским языком обучения 20-е – 30-е годы — вбирающие в себя такое множество имен и такое количество событий — представлены лишь рядом обзорных тем, на которые отводится всего несколько уроков. Возникает вопрос: как организовать учебный процесс так, чтобы учащиеся смогли почувствовать своеобразие этого периода советской литературной эпохи? По нашему глубокому убеждению, подача материала в виде обзоров не достигает поставленной цели. Обобщения, не подкрепленные анализом текстов, со временем трансформируются в опасные стереотипы: советское искусство слова — искусство нормативное, лишенное какой-либо ценности как в плане содержания, так и в плане художественной формы.

Разрешить эту проблему, на наш взгляд, отчасти может такой способ организации уроков, при котором параллельно будут анализироваться несколько произведений. В сравнительном анализе при этом должен быть использован единый "ключ", единый подход, который концептуален для всей советской литературы 20-х – 30-х, который объясняет саму ее сущность, позволяет непосредственно из текста вычленить точку зрения того или иного поэта или писателя. Подобным смысловым ядром, на наш взгляд, являются категории "старое" и "новое": их оппозиция восходит еще к дореволюционной ленинской теории "двух культур", а после революции именно она становится остовом всего советского искусства [9, С.129].

Помимо конфликта и образной системы произведения, дихотомия обозначенных категорий организует также поэтику текстов, определяя выбор писателем

В разделе “**Коллекция**” представлены: книги (книжный фонд музея), графика, живопись и скульптура, фотографии, рукописи, афиши, видеофильмы, фонд Декоративно-прикладного искусства и быта (предметы, относящиеся ко 2-ой половине 19 века — периоду жизни Достоевского в Петербурге), дарители, музей ищет (о разыскиваемых музеем документах и исследовательских работах).

Корпус информации собственно о Достоевском находится в специальном разделе “**О Достоевском**”. Содержит биографию писателя, полезные ссылки “Достоевский в Интернете”, “Петербург Достоевского”, другие музеи Достоевского.

Новости размещены в разделе “**Новое на сайте**” (например, о посещении музея Лаурой Буш). Здесь же рубрики “Советуем посмотреть” и “Публикации”.

Шестой раздел “**Друзья музея**”: Фонд друзей музея, общества Достоевского, меценаты и спонсоры, партнеры.

Последний раздел — “**Карта сайта**”. Это комплекс гиперссылок, с помощью которых можно удобно использовать объем информации, размещенной на сайте.

Заключение

Данная работа — пример аннотированного описания Интернет-ресурсов, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского: Имея адреса полезных Web-сайтов, необходимых ссылок и адресов, учитель или ученики с легкостью найдут нужную информацию, текст произведения или иллюстративный материал. Обращение к Интернет-ресурсам преобразует учебный материал в учебное информационное пространство, наполняет методику обучения русской литературе новым содержанием с использованием принципов дидактики Web-пространства.

Литература

1. Буряк В. В. От текста к гипертексту//Культура народов Причерноморья. Вып.23/ Глав. ред Ю. А. Катунин, ред. выпуска С. С. Дикарева, В. М. Ронгинский, Симферополь. Межвузовский центр “Крым”, 2001, с.20-25.
2. Винокурова О. Г. Использование Интернет-технологий учителем-словесником <http://iso.ru/s010608/vinokurova.htm>. Научно-практическая конференция “Интернет-технологии в современном школьном образовании”.
3. Войскунский А. Е. Метафоры Интернета//Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1. — М.: Смысл, 2002, с. 82-101.
4. Войскунский А. Е. Представления о виртуальной реальности в современном гуманитарном знании <http://www.psunset.cafax.ru/texts/voysk7.htm>.
5. Дикарева С. С. Когнитивные модели обучения в виртуальном Web-пространстве//Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия “Педагогика”. Том 15 (54). 2002г. №1, с. 3-12.
6. Дикарева С. С. Межъязыковая коммуникация в сети Интернет// Культура народов Причерноморья / Глав. ред. Ю. А. Катунин, Симферополь, ноябрь. — №34. — 2002. — с. 18-24.

7. Ланин Б. А. Интеграция Интернета в литературное образование <http://pedsovet.kob.ru/bible/reports/reports2001/iir.html>. (Всероссийский августовский Интернет-педсовет-2003).

8. Рудакова Д. Т. Интернет-технологии в образовательной деятельности учителя <http://ioso.ru/s010608/rudakova.htm>. (Научно-практическая конференция “Интернет-технологии в современном школьном образовании”).

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2004 г.

УДК 371.3.82.0

E. E. Лебедь

ОППОЗИЦИЯ “СТАРОЕ И НОВОЕ” В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ: МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ УРОКОВ 11-ГО КЛАССА

Актуальность проблемы

Среди всего литературного наследия советского прошлого, быть может, наиболее пострадавший от предвзятых идеологических оценок период — это 1920-е – 1930-е годы. Но, как ни парадоксально, для школьного учителя отсутствие по настоящему объективной истории советской литературы является далеко не главной проблемой. В программе для 11-го класса школ с русским языком обучения 20-е – 30-е годы — вбирающие в себя такое множество имен и такое количество событий — представлены лишь рядом обзорных тем, на которые отводится всего несколько уроков. Возникает вопрос: как организовать учебный процесс так, чтобы учащиеся смогли почувствовать своеобразие этого периода советской литературной эпохи? По нашему глубокому убеждению, подача материала в виде обзоров не достигает поставленной цели. Обобщения, не подкрепленные анализом текстов, со временем трансформируются в опасные стереотипы: советское искусство слова — искусство нормативное, лишенное какой-либо ценности как в плане содержания, так и в плане художественной формы.

Разрешить эту проблему, на наш взгляд, отчасти может такой способ организации уроков, при котором параллельно будут анализироваться несколько произведений. В сравнительном анализе при этом должен быть использован единый “ключ”, единый подход, который концептуален для всей советской литературы 20-х – 30-х, который объясняет саму ее сущность, позволяет непосредственно из текста вычленить точку зрения того или иного поэта или писателя. Подобным смысловым ядром, на наш взгляд, являются категории “старое” и “новое”: их оппозиция восходит еще к дореволюционной ленинской теории “двух культур”, а после революции именно она становится остовом всего советского искусства [9, С.129].

Помимо конфликта и образной системы произведения, дихотомия обозначенных категорий организует также поэтику текстов, определяя выбор писателем

Раздел 3.

тех или иных выразительных средств. Она закладывает в метафору, в символ глубинный, сокровенный смысл, в котором часто и заключается истинная, не-декларируемая позиция автора. Нередко у совершенно непохожих писателей формы выражения категориальной оппозиции “старое — новое” совпадают и, более того, со временем вообще закрепляются в литературе, становятся типичными. Верное понимание их сущности гарантирует точность и объективность системного литературного анализа.

Именно такие художественные концепты советской литературы стали объектом данного исследования. В той или иной степени этот вопрос освещали в многочисленных современных исследованиях по советской литературе [5, 19, 20, 22 и др.], что не могло не отразиться на содержании школьного учебника [12], и вместе с тем сама типология подобных концептов нова, как, впрочем, ново и ее использование в качестве организующего принципа работы учащихся на уроках литературы.

Цели и задачи статьи

Цель предлагаемой статьи — показать, как при практическом изучении школьного курса советской литературы 20-х — 30-х годов вычленить позицию автора, апеллируя к специфике использования им тех или иных традиционных схем и приемов. Указанная цель делает необходимым решение следующих задач: выявить способы выражения в тексте категорий “старое” и “новое”; доказать типичность, повторяемость материализующих их форм; определить значимость подобного рода приемов в поэтической системе текста; показать вариативность их содержания в произведениях различных авторов; на конкретных примерах текстов школьной программы 11-го класса показать действенность такого сравнительного анализа.

Если в уже упоминаемой нами теории “двух культур” В. И. Ленина разграничение старого и нового миров только намечается, то после событий 1917 года эта граница становится почти материальной. “Произошедшая в стране революция подменила понятие “жить” понятием “строить жизнь”. Процесс личной жизни уступил место участию в общем процессе “строительства социализма”. Это словосочетание превратилось в своего рода “формулу бытия”, а лексема “строительство” с течением времени наполнялась все более общим, жизнестроительным, онтологически значимым содержанием” [22, С.158-186]. Новый мир знаменовал собой созидание, продуктивность, результат. Старый — соответственно, также онтологически — небытие и пустоту. Это противопоставление (“нематериальность — материальность”, “пустота — вещество”, “прозябанье — созидание”) особенно актуализировалось в эпоху непосредственного строительства — в годы индустриализации. Нередко оно подчеркнуто выносилось даже в название (в этом отношении показательны “Пустыня” П. Павленки [2], “Конец пустыни” В. Федоровича [21]). Без него не обходился ни один производственный роман. “У леоновской “Соти” веселая ломка стойки врывается в почти первобытную, какую-то первозданную, библейскую тишину и неподвижность. У Эренбурга рождение города соотнесено со вторым днем творения мира; в катаевском романе “Время, вперед!” строящийся город не имеет истории.

Смысл этих художественных решений понятен: принципиальная новизна сози-даемого мира, момент его рождения — начало истории, с него нужно вести отсчет времени” [4, С. 65].

Идею, близкую леоновской, встречаем и в производственном романе “Солнечный клад” А. Перегудова: “Казалось, в эту осень люди навсегда спугнули тишину Моховых болот и Красных гор, и ночами чудилось: тишина, как огромная черная птица, кружилась над болотами и лесом, но огромный крик, огни костров, стук топора о дерево вспугивали ее и она металась, не находя себе на земле места” [17, С. 28-29]. Вещность, сущность нового и бессодержательность, нематериальность старого раскрывается через оппозицию “звук — беззвучие” (без большевиков жизнь неподвижна, а потому беззвучна).

Со временем “тишина прошлого” и “мир, полный звуков”, настоящего и будущего становятся распространенным описательным стереотипом, который используется не только в художественной литературе, но и в текстах очеркового характера. Это четко прослеживается в структуре одного из очерков Н. Костарева, опубликованного в разделе “Культура и быт” журнала “Звезда” 1930 года [8]. Очерк посвящен истории уездного уральского города. В 1921 году он, занятый белогвардейцами, был мертвенно безмолвен: “Плыли тишина и покой над этим городом.... Казалось, город тихо кончался...” [там же, С. 150]. Но вот гражданская война окончена, на пороге 1930-е. По всей стране строятся заводы; сакрализуется труд; набирает силу ударничество. И лишь растерянный уральский город не оторвался от прошлого: там по-прежнему работают размеренно, механически, без воодушевления, “передвигаясь и продолжая существовать по инерции”. И оттого приехавших снова “< ... > встретила < ... > тишина”. И, хотя это была “совсем другая тишина” (“... эта тишина была звучной окраинными гудками и настороженной в городе”), корреспондент, “оглядываясь и волнуясь”, говорит о месте: “Пустыня” [там же, С. 150-151].

Но оппозиция “звук — беззвучие”, “шум — тишина” включала в себя не только пафос нового и критику старого — в “Соти” Л. Леонова встревоженная большевиками тишина лесных дебрей, в которую как бы вслушивается автор, скорее, выражает его сомнение в их праве нарушать то, что было неприкасаемо веками.

Со временем звук как символ нового обретает еще одну — максимально концентрированную — форму выражения — музыку. Балансируя на грани текста и подтекста, музыка становится символом социализма — настоящего и будущего. Вот как описывает строительство Днепрогэса Ф. Гладков: “Роями бронзовых мух *пели* далекие пневматические сверла бурильщиков. Глухим барабаном рокотали компрессоры. Все хорошо и могучее. День гремит *железной симфонией труда*. И он — Балеев — *чуткий и строгий дирижер в этом оркестре*” (курсив наш. — Е. Л.) [3, С. 35]. Интереснейшим образом категорию музыки вводит в текст своих произведений и А. Платонов — писатель, особый стиль которого, на первый взгляд, полностью исключает использование каких-либо традиционных средств соцреалистической поэтики.

Раздел 3.

меру, через такую вешно-портретную деталь, как борода или лапти.

Традиция такой яркой детали, как лапти, в советской литературе имеет свою историю. В произведениях, посвященных событиям гражданской войны, “лапти” еще лишены дополнительного, сверх реального смысла — тогда это только показатель тяжелого, нищенского положения народа (“Красноармейцы... были оборванные, большинство в лаптях” [6, С. 25]). Сверхреальный оттенок появляется уже к середине 20-х: лапти становятся символом косного, замшелого крестьянского мира, символом пережитков прошлого, недопустимых и даже наказуемых в настоящем. В “Энергии” Ф. Гладкова Мирон Ватагин, упрекая прораба в отсталости, говорит: “А все-таки вы, товарищ Вихляев, еще не расквитались с лаптями ...” [3, с. 19]. Степень обобщения у этого образа настолько высока, что лексема “лапти” выносится даже в заглавие произведений (в серии романов об эволюции советского колхоза П. Замойского “Лапти” [7] — название первой, “отравной” части).

Ту же семантическую нагрузку несет такая портретная деталь, как борода. Об одноименной повести Чистякова критика тех лет писала: “Это повесть о пробуждении классового сознания у деревенского бедняка и его семьи. Здесь абсолютно отсутствуют какие бы то ни было рассуждения автора или героев на политические темы <...>. Но здесь — образец такого овладения писателем своей темой, когда общие и социально значительные процессы выражены в частных, конкретных и индивидуально-ограниченных вещах. Борода бедняка Виктора — вещь, но в повести Чистякова она — отношение. Борода и ее история раскрывает Виктору глаза, революционизирует его сознание, вызывает сочувствие у прочих деревенских Викторов, делит деревню на два лагеря. Вместе с тем “борода” — не случайность, она — символ, но исключительно реальный по своей природе (курсив наш — Е. Л.) [16, С. 211].

О действенности этого символа можно судить по тому, что он используется и Л. Леоновым — писателем, чрезвычайно требовательным к каждому художественному слову. В “Скутаревском” “борода” становится индикатором пробуждающегося “классового сознания” бывшего банщика Матвея Никеича [10, С. 29, 30, 120, 125-127]. При всей своей символической нагруженности “борода”, как и любой другой постоянный прием соцреалистической поэтики, продолжает функционировать как стереотип — признак, детерминирующий реального человека в реальных обстоятельствах (“... сидела плотницкая артель.<...> Суровая праздность лежала на их лицах, — с такими лицами, когда-то, при царях, пешеходило на богомолье неграмотное российское племя. *Бородат из артельщиков был лишь один, наверно — самый смиренный и пуганый* (курсив наш — Е. Л.) [10, С. 268]).

Оппозиция “старое — новое” и перечисленные реализующие ее в тексте поэтические константы по отношению к системе советской литературы составляют самую основу советской литературы, выступают в качестве тех отношений, которые связывают воедино отдельные художественные произведения. В том объеме, в котором они могут быть использованы в курсе школьной программы, эти отношения и были освещены выше. Выстроенная на основе раз-

работанного литературного материала урочная работа предполагает следующее.

Основным видом деятельности на таком уроке становится сравнительный анализ. Учащимся предлагаются карточки, содержание которых изложено по ключевому для данной статьи принципу: дается общее положение, характерное в большей или меньшей степени для всей системы советской литературы 20-х – 30-х; подбирается несколько цитат разных авторов, в которых это положение реализуется; формулируется задание (намечается объект анализа и характер общего вывода).

Работа с карточками проводится коллективно. Перед ее началом учитель еще раз напоминает о том, что советская литература — это не два и не три собрания сочинений нескольких литературных классиков; это огромное множество “периферийных” текстов, в которых общие закономерности нередко проявляются четче и яснее и которые поэтому также нуждаются в изучении [5, С. 9].

Образец такого рода заданий, предлагаемый ниже, преимущественно ориентирован на одного из самых сложных для восприятия школьников писателя этого периода — А. Платонова. Поскольку он выполнен на материале данной статьи, во избежание повторов в некоторых рубриках будут опускаться начальная и средняя части задания.

1. * Исходя из символического подтекста мотива музыки в произведениях социалистического реализма, определите художественную функцию мелодии в “Котловане”.

2. * Учитывая ритуальную сущность маршей, парадов детства и юности, раскройте смысл шествия юных пионерок в повести Платонова. Сравните соответствующие эпизоды в “Скуторевском” Л. Леонова, “Мастер и Маргарита” М. Булгакова, “Солнечном кладе” А. Перегудова.

3. * Опираясь на полученные сведения о символическом смысле образа “лапти”, раскройте подтекст следующего эпизода из “Котлована” А. Платонова.

“На дворе кафельного завода, старик доделал свои лапти, но боялся идти по свету в такой обуже. / — Вы не знаете, товарищи, что, заарестуют меня в лаптях аль не тронут? — спросил старик. — Нынче ведь каждый последний и тот в кожаных соленицах ходит <...> ишь ты, как ведь стало интересно! [18, С. 148]

* В свете сказанного прокомментируйте выражение “лаптевый Чевенгур Платонова”.

4. Как Вы уже знаете, ввиду становления нового метода перед советской литературой долгие годы стояла важная проблема — проблема героя. Герой в произведении был под постоянным пристальным вниманием критики. В январе 1930 г. рецензент журнала “Красная новь” И. Мар писала: “Необходимым свойством пролетарского искусства является его глубочайшая содержательность, его действенность, его активизм. Здесь меньше всего возможна созерцательность <...>”. С этих позиций она оценивала героиню М. Чумандрина (“Бывший герой”): “<...> если Надя, с одной стороны, представляет из себя положитель-

Раздел 3.

224   Русский язык и литература: теория и школьная практика

ный революционный образ, то, с другой стороны, ей свойственна какая-то размягченность, раскислость. Надя то и дело предстает перед нами в своей “тоске” <...>” [13, с. 237].

* В какой мере высказывание И. Мар может объяснить, почему Вощев как тип героя не был воспринят критикой?

5. Познакомившись с ролью феномена “строительство” в 20-е — 30-е годы, подумайте над следующими вопросами.

* Является ли строительство общепролетарского дома главной фабульной линией повести?

* Какие еще произведения о социалистическом строительстве Вы знаете? Назовите характерные для них черты.

Вопрос для письменного домашнего задания.

Что общего и что отличного у “Котлована” А. Платонова с другими Вам известными произведениями об индустриализации и коллективизации?

Выводы

Думается, предлагаемые вопросы будут способствовать лучшему пониманию учащимся наследия А. Платонова.

Кроме того, при осмыслиении художественных особенностей его творчества будет привлечен мощный пласт советского словесного искусства, что способствует формированию необходимого представления о литературе как о едином процессе, а не серии отдельных портретов.

Все выводы будут сделаны на основе анализа учащимся собственно поэтической системы текстов, что сводит до минимума возможность предвзятого отношения к произведению социалистического реализма.

Выстроенная на основе оппозиции “старое и новое” система соцреалистической поэтики позволяет взглянуть на явление с разных сторон, что, безусловно, расширяет кругозор учащихся. В ходе таких уроков у школьников совершенствуются навыки анализа художественного произведения. Поэтические константы типа “город”, “ завод”, “тишина”, “звук”, “музыка”, “марш”, “борода”, “лапти”, ориентированные скорее не на текст, а на подтекст, нам видится удобным материалом для того, чтобы доказать учащимся: советская литература, бесспорно, является искусством, искусством со своим проблемно—идейным содержанием и специфическими формами его выражения.

Литература

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. Избранные произведения: В 2-х т. — Т. 2. — К.: Дніпро, 1989. — С. 333-723.
2. Глаголев Арк. “Пустыня” П. Павленки // Новый мир. — 1932. — № 1. — С.174.
3. Гладков Ф. В. Энергия // Гладков Ф. В. Собр. соч.: В 5-ти т. — Т. 2. — М.: Худож. литература, 1984. — 703 с.
4. Гладковская А. А. Вс. Иванов в работе над романами о современности // Советская литература. Традиции и новаторство: Малоизученные вопросы со-

- ветской литературы 20-30-х гг. / Межвузовский сборник. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — С. 60 – 84.
5. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. — СПб.: Академический проект, 1997. — 557 с.
  6. Иванов Вс. Гибель Железной // Красная новь. — 1928. — № 1. — С. 1-55.
  7. Замойский П. Лапти. Роман. Книга I. — М.: Федерация, 1932. — 237 с.
  8. Костарев Н. Физиология этого города // Звезда. — 1930. — № 4. — С149-155.
  9. Ленин В. И. Полное собр-е соч.: В 48 т. — Т.24. — М.: Политиздат. — 568 с.
  10. Леонов Л. Скутаревский // Леонов Л. М. Собр. Соч.: В 10-ти т. — Т. 5. — М.: Худож. литература, 1970. — 318 с.
  11. Литература. Программы для 5-х — 11-х классов школ с русским языком обучения. — К.: Школьный мир, 2001г. — 62 с.
  12. Литература: Учеб. для 11 кл. общеобразоват. учебных заведений с рус. яз. обучения. ч. 1.: Русская литература / Ю. И. Корзов, И. С. Заярная, Л. А. Киселева и др.; Под ред. Ю. И. Корзова. — К.: Освіта, 2002. — 415 с.
  13. Мар И. М. Чумандрин. “Бывший герой” // Красная новь. — 1930. — №1. — С. 237-238.
  14. Мар С. Мы // Новый мир. — 1936. — № 9. — С. 161.
  15. Мессер Р. Виктор Гусев. — “Поход вещей” // Звезда. — 1930. — № 4. — С. 232.
  16. Мессер Р. Попутчики второго призыва // Звезда. — 1930. — № 4. — С. 203-211.
  17. Переудов А. Солнечный клад // Новый мир. — 1932. — № 4. — С. 6-33.
  18. Платонов А. Котлован // Платонов А. П. Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма. — Мн.: Маст. літ., 1990. — С. 105-198.
  19. Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы. Учебник для студентов высш. учебных заведений / В. Н. Альфонсов, В. Е. Васильев, А. А. Кобринский и др.; Под ред. С. И. Тилиной. — СПб.: Logos; М.: Высш. шк., 2002. — 586 с.
  20. Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920-1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. — М.: ИМЛИ РАН, “Наследие”, 2001. — 590 с.
  21. Федорович Вит. Конец пустыни. Очерки // Новый мир.- 1932. — № 1. — С.198.
  22. Якимова Л. П. “... Отвечающие времени формулы мифа...” (некоторые особенности по этики Л. Леонова) // Русская литература. — 2002. — № 3.— С. 184–199.

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2004 г.